Бабушка слабо кивнула, согласившись, затем повернула голову и продолжила в оцепенении смотреть в окно.

Чжао Ланьсян молча поставила тарелку с едой на стол и удалилась.

После ее ухода бабушка повернула голову, взяла миску и попробовала рысаки. Запах был настолько ароматный, что заполнил всю комнату и его трудно было игнорировать.

Парное мясо было очень мягким и гладким. Зубы у бабушки были уже не те, что в молодости, но она могла откусить половину за раз. Бордовые рысаки блестели, как слой высококачественной эмали. Когда она откусывала кусочек, цвет мяса переходил от красного к белому. Такая вкусная еда могла пробудить самые голодные желания в сердцах людей. Для тех, кто долгое время не видел масла или соуса, это было похоже на встречу с водой в пустыне.

Бабушка угрюмо втянула мягкое жирное мясо и медленно проглотила его.

«Хмпф… Еда не так уж и плоха. Стоило обменять это на золотой замок Сунбая».

***

Просо на поле созрело, и все стали собирать его. Слабая Чжао Ланьсян была назначена на легкую работу: следить за подсыхающим зерном. Сильные люди в деревне собирали просо, мололи его и убирали поле. Рев дизельных тракторов на полях раздавался под голубым небом.

Жаркое солнце палило с утра до вечера, из-за чего кожа каждого потемнела на несколько тонов. Чжао Ланьсян принесла из дома подсоленую воду. На ночь ее поместили в колодец, поэтому она была особенно холодная и легко утоляла жажду.

Чжоу Цзячжэнь также участвовала в сборе урожая вместе с мужчинами в деревне. С утра до вечера она весь день находилась под солнцем, и темно-синяя рубашка на ее теле была мокрой от пота. Чжао Ланьсян восхищалась ею.

— Ты устала? Почему бы завтра тебе не пойти со мной и не последить за сбором проса?

На румяном лице Чжоу Цзячжэнь появилась легкая улыбка:

— Не устала, и у меня есть цель, — она утерла пот и гордо сказала: — Я думаю, что жизнь человека должна быть проведена именно так. Тогда, когда однажды мы вспомним прошлое, то не будем сожалеть о том, что потратили свои годы впустую, и не будем стыдиться своей бездеятельности.

Даже Чжао Ланьсян, которая так и не дочитала книгу «Как закалялась сталь», не смогла

удержаться от смеха, услышав ее фразу:

— Ты совершенно потерялась в книге.

Чжоу Цзячжэнь искренне и с благодарностью сказала:

— Это хорошая книга, которая может повлиять на жизнь людей. Раньше я сетовала на свою судьбу, но теперь мне только стыдно. В ней есть очень хорошее изречение, я поделюсь им с тобой: «Сталь закаляется при большом огне и сильном охлаждении. Тогда она становится крепкой и ничего не боится. Так закалялось и наше поколение в борьбе и страшных скитаниях и училось не сдаваться перед жизненными трудностями». Ты можешь поделиться этой фразой со вторым сыном Хэ, — улыбка Чжоу Цзячжэнь смешалась со следами стыда и облегчения.

Ее представление о Хэ Сунбае началось с труда и закончилось трудом. Как человек, который заботился о работе на поле тщательно и терпеливо, как о собственном ребенке, мог быть легендарным бездельником?

Раньше Хэ Субай не работал вместе со всеми, а упорно трудился в отдаленном месте. На этот раз его снова перевели на рисовое поле. Она видела его работу своими глазами. Он был старателен и искренен, как старая корова.

— Его рецензия была очень хорошей. Раньше я относилась к нему предвзято… — прочувствованно сказала Чжоу Цзячжэнь.

Чжао Ланьсян протянула подруге чашу с соленой водой и быстро прервала ее:

— Выпей. И почему ты все время упоминаешь его?

«Да еще и говоришь это мне в лицо!»

Это заставило сердце Чжао Ланьсяна высоко взлететь. Неужели это так очевидно? Неужели люди так ясно все видели? Она старалась как можно больше общаться с ним наедине и почти никогда не разговаривала с ним, когда кто-то был рядом.

Чжоу Цзячжэнь покраснела и объяснила тихим голосом:

— Ты забыла? Когда я была в семье Хэ, то как-то сказала о нем плохо в твоем присутствии. Теперь я жалею об этом.

Как только Чжоу Цзячжэнь упомянула об этом, Чжао Ланьсян вспомнила тот день. Только когда девушка ушла, она обнаружила, что Хэ Сунбай сидел на заднем дворе. Под сенью зеленых зарослей на заборе его глубокие глаза были тусклыми.

Чжао Ланьсян сказала:

— Не волнуйся, он это услышит. Я скажу тебе следующее: ты не железный человек, а женщина из плоти и крови. Не будь слишком глупой и отдыхай, когда следует отдыхать.

Чжоу Цзячжэнь энергично кивнула.

Чжао Ланьсян повернулась, чтобы отнести воду сестре Хэ.

Когда вечером все закончили работу, настало время Чжао Ланьсян охранять сушильную долину. На складе просо могло легко заплесневеть, поэтому зерно всей бригады находилось на поле, и ночью за ним должны были следить люди. Если посреди ночи пойдет дождь, она должна оповестить всех, чтобы они успели занести зерно в помещение.

Чжао Ланьсян спала днем и работала ночью, пока ее не сменял другой человек посреди ночи. Эта работа не могла быть проще для нее.

С наступлением ночи Чжао Ланьсян прислушивалась к кваканью лягушек в полях и к стрекотанию цикад. Она зажгла масляную лампу, жевала во рту конфету и медленно перелистывала страницы книги, которую держала в руках, – это была та самая «Как закалялась сталь».

В последнее время Чжоу Цзячжэнь очень любила читать эту книгу, цитируя по несколько слов из нее в течение дня, и Чжао Ланьсян вынуждена была прочитать ее, чтобы понимать свою подругу.

По мере того, как темнело, тусклый свет звезд на ночном небе становился все ярче. Стоило Чжао Ланьсян поднять голову – она могла видеть небо, усыпанное звездами.

Через некоторое время послышался звук приближающихся шагов. К ней быстро подошла фигура, Чжао Ланьсян отложила книгу и удивленно подняла глаза.

— Тише. Не кричи, — в низком голосе мужчины появилась звучная хрипотца.

— Зачем ты пришел? — Чжао Ланьсян коснулась его лица, она была очень рада видеть его в этот момент.

Хэ Сунбай опустил голову и вытер пот рукавом:

— Я пришел после ужина. Как девушке, тебе небезопасно сторожить ночью. Я сделаю это за тебя. А ты возвращайся.

Чжао Ланьсян яростно замотала головой.

— Ты так усердно работал днем и хочешь помогать мне дежурить ночью? Что это такое! Я не пойду. Скорее ложись спать, завтра будет еще больше тяжелой работы!

Тут же она увидела, как лицо Хэ Сунбая помрачнело, его плотно сжатые губы выдавали серьезность, которую невозможно было отрицать.

Чжао Ланьсян сделала паузу, всерьез задумавшись о возможности убедить его отказаться от этой идеи.

Вероятность была равна нулю.

Он еще страшнее, чем она, когда упрямился.

Тогда она сказала:

— Если… Я не вернусь, и ты не вернешься, то поспи немного здесь. Если что-то случится, я тебя позову, хорошо?

Хэ Сунбай неохотно согласился.

Чжао Ланьсян привела его в хижину у долины, затем она достала свое летнее одеяло, прижала Хэ Сунбая к кровати и накрыла. В ее бодром голосе прозвучала нотка озорства:

— Я впервые… ночую с братом Баем.

Хэ Сунбай, которого заставили спать на кровати, сразу же покраснел. Он кашлянул:

— Я буду спать, но ты должна позвать меня, если что-то случится.

Чжао Ланьсян согласилась с ним. Она смотрела, как Хэ Сунбай закрыл глаза и заснул, а затем вернулась на свое место с лампой и с наслаждением стала читать книгу.

Хэ Сунбай в комнате открыл глаза, и его уши внимательно прислушивались к каждому движению снаружи. Тусклый свет обрисовывал изящный женский силуэт; огонь слабо плясал, заставляя ее тень мягко колыхаться, как воду в колодце.

Тонкое летнее одеяло, легкое и мягкое, наполненное слабым ароматом гардении, которым пахло и от ее тела, плотно окутывало Хэ Сунбая, создавая у него иллюзию, будто он был в объятиях Чжао Ланьсян.

Парень все время полусонно смотрел на тень женщины в окне, пока во второй половине ночи не пришел другой человек на смену.

Хэ Сунбай занервничал, легко поднялся и на цыпочках осторожно вышел из дома.

Неожиданно оказалось, что человеком, который пришел на дежурство посреди ночи, был учитель Гу, и напряженные нервы парня внезапно расслабились.

Учитель Гу тоже удивился, когда увидел Хэ Сунбая, но, когда он заметил девушку, сидящую на корточках у двери и читающую книгу, в его взгляде появилось понимание.

Все звали этого человека учителем Гу не потому, что он учитель, а потому, что тот был главным инженером по строительству рисовых полей. Он отвечал за проектирование канав, взрывные работы и за планирование дорог. Хэ Сунбай слышал, что это интеллигент, переведенный из города Б. Он не местный житель и свободно говорит на мандаринском языке.

Хэ Сунбай на мгновение застыл, но тут же спросил:

— Как вы здесь оказались?

Усталое лицо учителя Гу не смогло выдавить даже горькой улыбки, а морщины в уголках его глаз стали еще глубже. Он ответил:

— Иди спать, молодой человек.

В глазах Чжао Ланьсян появилось сомнение. Хэ Сунбай похлопал ее по плечу и сказал:

— Пойдем, я провожу тебя обратно.

Чжао Ланьсян не спала полночи и чувствовала сонливость. Она быстро умылась, протерла глаза и пожелала мужчине спокойной ночи. Вскоре легла в постель и заснула.

***

На поле юноша сидел на земле и болтал с мужчиной средних лет. Хэ Сунбай свернул сигарету и протянул ее учителю Гу со словами:

— Покурите немного, иначе у вас не хватит сил работать днем.

Учитель Гу посмотрел на темнеющую горную цепь вдали и вздохнул с чувством:

— Здесь много холмов, но мало возделанной земли. Строительство полей поможет расширить площадь возделываемых земель и увеличить производство продовольствия.

Хэ Сунбай только зевнул. Учитель Гу продолжил:

— Но почва в этом месте относится к карстовым формам рельефа. Хотя источник подземных вод богат, здесь также много скал и пещер. Основной компонент – карбонатная порода…

Хэ Сунбай изо всех сил старался болтать с учителем Гу, но после того, как он посидел некоторое время, у него вскоре закружилась голова. Он затянулся сигаретой, и освежающий дым проник в горло, стимулируя его и заставляя снова взбодриться. Он негромко сказал:

— Если вы не можете много работать, то лучше вздремните.

Учитель Гу молча потер лицо, морщинки в уголках его глаз углубились.

Примечание автора:

В эту эпоху спекуляции запрещены законом. Поэтому, как деревенский житель, брат Бай может только так помочь своей девушке…

Помоги ей усердно работать. Помоги ей усердно работать. Помоги ей усердно работать!

Примечание анлейтера:

В эту эпоху ведение частного бизнеса являлось незаконным. Китайское правительство называло это «спекуляцией», что означало высокий риск и то, что этим занимались только недобросовестные торговцы, которые надеялись получить прибыль за счет населения. Это считалось «позорными» капиталистическими методами.

http://tl.rulate.ru/book/46619/1881432